

Шарапов Сергей Федорович

**Мирные речи и другие статьи Сергея
Шарапова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
С32

С32 **Сергей Федорович Ш.**
Мирные речи и другие статьи Сергея Шарапова / Шарапов Сергей Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 44 с.

ISBN 978-5-521-30665-7

ISBN 978-5-521-30665-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мирныя рѣчи.

(Письма въ „Недѣлю“).

I.

Маленькое вступленіе.—1900-й годъ, какъ первый годъ новаго вѣка.—Нѣмцы торопятся вступить въ XX вѣкъ.—Молотъ и наковальня.—Германія и Англія.

Чего со мной давно не бывало: написалъ и разорвалъ нѣсколько листковъ. Словно новичокъ литераторъ, смущался дебютомъ въ чужомъ изданіи, передъ чужой аудиторіей. Надѣюсь, что мнѣ это смущеніе въ вину не поставится. Я все-таки писатель старыхъ временъ и традицій. Нынѣшнимъ это чувство совсѣмъ незнакомо. Многие изъ нихъ способны на форумъ совсѣмъ голые выйти...

Мнѣ хотѣлось сдѣлать надлежащее вступленіе, дать приличное объясненіе моему появленію на этихъ заслуженныхъ, почтенныхъ подмосткахъ. Каюсь, не выхожу этого вступленія. Я хотѣлъ набросать картину крушенія корабля, налетѣвшаго на скалы. Спускають лодки, вяжутъ плоть. Лодки кувыркаются, плоть разваливается. Но вотъ подходитъ благодѣтельный пароходъ, бросаетъ канатъ. Публика пересаживается. Послѣднимъ, какъ и полагается, покидаеть остатки разбитаго судна капитанъ...

Но все это реторика, отъ которой я давно отсталъ. Позвольте поэтому безъ всякаго предисловія, въ двухъ словахъ: „Русскій Трудъ“ закрыть, замѣнившую его „Русскую Бесѣду“—увы, повести не удалось, а поэтому пользуюсь любезнымъ приглашеніемъ „Недѣли“, я раскланиваюсь съ господиномъ издателемъ „Бесѣды“, Евдокимовымъ, жму руку господину редактору Тернавцеву, устанавливаю мою скромную кафедру у васъ и приглашаю моихъ читателей сюда. Буду вести тотъ самый мой любимый отдѣлъ, бесѣду „По душѣ“, которую завелъ у себя, съ тою лишь разницею, что это будетъ не борьба, а своего рода „свидѣтельскія показанія“. Я усталъ, я больше не могу. Океанъ столовой ложкой не вычерпашь... Поэтому и заглавіе позвольте дать иное. Пусть это будутъ вполнѣ „Мирныя рѣчи“.

* * *

Столѣтіе кончается, или только 99-й годъ? Впрочемъ ничего существеннаго въ себѣ не заключаетъ, но у него есть психологическое значеніе. Такъ всѣмъ хочется увидать поскорѣ двадцатый вѣкъ, такъ надоѣлъ девятнадцатый, что даже готовы, вопреки элементарной ариметикѣ, принять нулевой годъ за первый и съ него начинать столѣтіе. У насъ, Россіянъ, это желаніе, эта тоска были бы понятны. Слишкомъ уже душно и тяжело намъ было въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Но вонъ и Нѣмцы торопятся! У нихъ недавно официально рейхстагомъ было провозглашено, что двадцатый вѣкъ начинается 1-го января 1900 года, и въ этотъ день его германское величество не преминулъ сказать одну изъ своихъ „прочувствованныхъ“ рѣчей. Девятьсотъ *первый* годъ окажется для двадцатаго вѣка въ Германіи *вторымъ*. Логика и счетъ здѣсь хромаютъ, но за то, можетъ-быть, скорѣе обнаружится, чѣмъ судьба повелѣла быть въ будущемъ вѣкѣ Нѣмцамъ: молотомъ, или наковальней?

Въ девятнадцатомъ столѣтіи они побывали и тѣмъ, и другимъ. Сначала изображали изъ себя наковальню, которую Наполеонъ расколотилъ на мелкіе куски вмѣстѣ со всѣмъ, что на нее попадало: даже самая національность нѣмецкая подвергалась большой опасности, если бы, напримѣръ, на другой сторонѣ стояло сплоченное, организованное Славянство. Но этого не случилось, Славянство опоздало, и вотъ Нѣмцы изъ плохой наковальни обратились сами въ очень сильный молотъ. Какіе удары можетъ наносить этотъ молотъ, Бисмаркъ показалъ въ 1871 году надъ Франціей. Съ тѣхъ поръ молотъ все наваривался, калился и перекаливался, а кругомъ все слабѣло и разлагалось. Почти сошла съ міровой арены Франція, запутавшаяся въ долгой и отвратительной политической оргіи и совершенно растерявшая свою національную и государственную силу. Обнаружилось постыдное безсиліе Англіи, безсиліе и въ смыслѣ внѣшней организаціи, и въ смыслѣ болѣе глубоко, въ смыслѣ идейномъ и христіанскомъ. Очень плохая военная сила, неспособная выдержать мало-

мальски серьезную борьбу и очень плохо направленная нравственная сила, совершенно искривленное национальное самосознание, отождествляющее интересы всей совокупности англо-саксонской расы с интересами разнородных акционерных компаний и ростовщиков-мѣнялъ, хотя бы и всемирныхъ. И вотъ, Англія встрѣчаетъ новый вѣкъ въ глухомъ и мрачномъ отчаяніи, дрожащая за судьбу величайшей въ мірѣ имперіи, которая можетъ развалиться, какъ подгнившій домъ и потерять свою главную связь—единство британскаго племени, уже и безъ того нарушенное сто лѣтъ назадъ отпаденіемъ Сѣверной Америки.

Если оставить въ сторонѣ рядъ маленькихъ государствъ, стоящихъ какъ-бы въ сторонѣ отъ игры великихъ мировыхъ силъ и относительно благоденствующихъ, какъ Швеція съ Норвегіей, Голландія, Данія, Бельгія, или страдающихъ и вѣчно волнующихся, какъ Италія, Испанія, Греція, то около Германіи, и какъ противовѣсъ ей, остается одна только великая мировая группа—Славянство. Съ нимъ собственно ведется Нѣмцами упорная ежедневная борьба, все разрастающаяся и обостряющаяся. Со Славянствомъ Германіи придется считаться очень серьезно въ наступающемъ XX вѣкѣ, и эти счеты будутъ, безъ сомнѣнія, центромъ всего историческаго движенія будущаго. Есть и еще мировая сила, которая рано или поздно, чего добраго, тоже станетъ Нѣмцамъ поперекъ дороги,—это Соединенные Штаты Сѣверной Америки, но это еще далеко впереди. Братъ Іонаванъ въ сущности еще недостаточно привелъ къ порядку и единству свое собственное полушаріе, гдѣ онъ коренной и законный хозяинъ. И если онъ, увлекшись лаврами побѣдъ, перенесетъ свои претензіи въ наше полушаріе, то и это въ сущности только недоразумѣніе, за которое Американцы и наказаны, ущемивъ свои пальцы на Филиппинахъ. Вѣрнѣе, именно эта филиппинская завоевательная исторія и показываетъ весьма наглядно, что Старому Свѣту у себя на своемъ полушаріи пока опасаться Новаго нѣтъ основаній. Нечего еще тутъ дѣлать ловкимъ и достаточно жаднымъ Янки. Здѣсь еще долго будетъ арена для борьбы другихъ племенъ и другихъ аппетитовъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ все болѣе и болѣе растущему аппетиту нѣмецкому.

Какъ выпутается Англія изъ своего нынѣшняго печальнаго положенія, Богъ знаетъ, но ея слабость въ борьбѣ съ выросшимъ конкурентомъ—Германіей, бросается въ глаза. Еще задолго до исторіи съ Бурами, которая собственно только вскрывала и ясно обнаружила эту слабость, Германія уже выяснила себѣ, что въ экономической и даже финансовой борьбѣ съ Англіей Нѣмцамъ вполне обеспечена побѣда. Какъ ни хороша англійская техника и промышленная организація, но рядомъ съ германской она оказалась во всѣхъ отношеніяхъ менѣе совершенной, неподвижной, устарѣлой. Новенькая Германская имперія сложилась въ такой

удивительный и стройный государственно-экономическій механизмъ, что молодая сравнительно германская промышленность изъ мѣстной обратилась сразу въ мировую и стала одерживать надъ Англіей побѣду за побѣдой. Помните книгу „Made in Germany“? Помните, какъ перепугалась Англія?

А вѣдь теперь міромъ движется, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ борьба экономическая. Великія идеи, святыя идеалы, поднимавшіе когда-то чество и сообщавшіе несокрушимую силу своимъ носителямъ, смѣнились траткою, биржевымъ бюллетенемъ, котировкою той или иной бумаги. На крестовый походъ никого не соберешь, теперь будутъ драться изъ-за золота, угля, хлопка, торговаго договора, того или иного тарифа. Здѣсь силенъ только тотъ, кто дешево производитъ для мирового рынка и умѣетъ, если нужно, пушками и штыками поддержать свою торговлю, заставить у себя покупать, заставить заключить съ тобою торговый договоръ.

И вотъ тутъ-то новая Германія выступила во всемъ своемъ блескѣ. Прекрасно организованная и идеально вооруженная военная сила, превосходно оборудованная промышленность, великолѣпно защищенное сельское хозяйство, государственный аппаратъ съ прекрасно пригнанными частями и поразительно легкій на ходу, съ собственными колоніями на всѣхъ океанахъ, Лернеръ на Медвѣжьемъ островѣ, множество Лернеровъ и Вернеровъ—на Самоа, въ Африкѣ,—только флота серьезнаго нѣтъ. Нѣмецкіе аграріи жмутся и не даютъ Вильгельму II размахнуться, какъ онъ хочетъ и сдѣлать на океанахъ то, что сдѣлано на сушѣ.

Но германскій монархъ хоть и горячъ, но умѣетъ быть и настойчивымъ, и терпѣливымъ. Онъ свое возьметъ. Онъ и флотъ построятъ, и каналы нужные пророетъ, и колоніи захватитъ, когда придетъ время.

И въ финансовомъ отношеніи Германія видимо перещеголяла Англію. Прочтите обзоры денежнаго движенія послѣднихъ мѣсяцевъ. Англія въ критическомъ положеніи. Франція, богатѣйшая страна Европы, трепещетъ передъ разразившимся кризисомъ и ижмется, стягивая средства и борясь за золото. Одна Германія ничего не боится и смѣло смотритъ въ глаза всякимъ кризисамъ. Тамъ какъ-то все вѣрнѣе разсчитано и умнѣе налажено, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Деньги дороги и у нея, и въ Берлинѣ поднять очень высоко учетный процентъ, но германская промышленность почему-то менѣе страдаетъ, чѣмъ всякая другая, кредитъ почти не стѣсненъ. А главное—повсюду желѣзная национальная дисциплина, не видно противорѣчій между хозяйствомъ и стремленіями государственными и народными—и въ этомъ сейчасъ величайшая сила Германіи. Вся она въ полномъ составѣ идетъ къ одной цѣли и въ одномъ направленіи, и ни одна часть не парализуетъ другую.

Положимъ, что рядомъ съ этимъ, ея идейное убожество поразительно и почти полное отсутствіе всякаго торчества въ области духа. Вся сила гер-

манскаго генія словно ушла въ стремленія къ міровому экономическому, а съ нимъ неразлучно и политическому господству. Значеніе Германіи въ общей духовной экономіи человѣчества повзросло страшно и именно съ момента осуществленія германскаго единства. Ничего великаго, свѣтлаго, безкорыстнаго не вышло изъ Германіи со временъ великаго удачника Бисмарка, который своею фигурою и идеями заслонилъ и науку, и философію, и поэзію прежнихъ дней. Надъ старымъ германскимъ идеализмомъ словно завѣса опустилась, словно упразднился онъ „за ненадобностью“. Да оно и дѣйствительно такъ. Либо желѣзное свое міродержавство устраивать, расчищать Нѣмцамъ пути по всему Старому Свѣту и вести безпошадную борьбу за существованіе, либо философствовать и дарить міръ великими подвигами духа. Совмѣстить это, очевидно, невозможно.

II.

Германія и Славянство въ XX вѣкѣ.—Парламентская борьба въ Австріи и культурное завоеваніе Россіи.—Успѣхи у насъ Германіи.—Можно-ли ожидать, чтобы Германію взорвалъ социализмъ?

Единой въ старомъ свѣтѣ силой, которая стоитъ поперекъ дороги Нѣмцамъ и хотя отчасти не слагаетъ передъ ними оружія, — является Славянство въ его различныхъ племенахъ. Сейчас между Тевтонствомъ и Славянствомъ идетъ борьба чисто мѣстная, до міровыхъ размѣровъ не доходящая, но можно думать, что въ XX вѣкѣ эта борьба развернется и займетъ множество самыхъ яркихъ историческихъ страницъ. Да не захватить-ли собою и всей исторіи вѣка? По крайней мѣрѣ, въ наслѣдіе ему остается выясненная фатальная необходимость борьбы и чуть не полная безнадежность относительно какого-бы то ни было возможнаго *modus vivendi*.

Въ самомъ дѣлѣ: Славяне помимо своей воли, запираютъ побѣдоноснымъ Нѣмцамъ единственную возможную дорогу, ту дорогу, которую они съ такими усиліями и мудростью исторически себѣ прокладывали. На югъ, въ Малую Азію, Персію и Индію, куда Нѣмцамъ такъ естественно стремиться и для рынковъ и колонизаціи, приходится идти черезъ славянско-венгерскую Австрію и чисто-славянскій Балканскій полуостровъ. Востокъ занятъ Поляками и Русскими. Про западъ я и не говорю. Во Франціи Нѣмецъ будетъ всегда пришелецъ и чужой. Да тамъ некуда и податься. Тамъ черезъ 400 верстъ океанъ.

Между тѣмъ потребность расширенія, и именно территориальнаго, станвится все болѣе и болѣе настоятельной. Германія задыхается въ тѣснотѣ. Нѣмцы должны выдѣлять эмиграцію за море или въ чужія отдаленныя страны, и эти выходцы, теряя свою національность, только усиливаютъ собою чужія племена. Если такъ будетъ продолжаться, Славянство, разможающееся съ большой быстротой и владѣющее запасными свободными территориями, въ самое короткое время можетъ совершенно пере-

рости Нѣмцевъ и оставить ихъ маленькимъ сравнительно народомъ въ сосѣдствѣ своего многомилліоннаго океана. Отсюда упорное проложеніе сплошной линіи нѣмецкихъ поселеній на югъ, отсюда всякія ухищренія, лишь-бы Нѣмцы внѣ Германіи оставались вѣрными дѣтьми своей родины, на чемъ опирается, на примѣръ, вся новѣйшая нѣмецкая колонизація Россіи.

То, что дѣлается въ Австріи, лишь маленькая прелюдія къ тому, что будетъ у насъ, когда нѣмецкій элементъ заберетъ достаточно силы; не будемъ забывать, что повсюду въ славянскихъ земляхъ Нѣмцы только пришельцы и были таковыми до тѣхъ поръ, пока не укрѣпились на насѣженныхъ мѣстахъ и не заявили ясной претензіи на господство. Какъ ни категорично государственное право Чехіи, какъ ни безспоренъ національный характеръ Поляни и племенные права ея жителей*), это не останавливаетъ стремленій Нѣмцевъ къ господству путемъ онѣмченія жителей и отнятія земель, разъ такое фактически возможно. И за это господство, когда нужно, вся Германія встанетъ, какъ одинъ человѣкъ.

Вопросъ о борьбѣ Славянства и Германства стоитъ въ Австріи совершенно иначе, чѣмъ въ остальномъ мірѣ. Тамъ ведется борьба не только культурная, но и парламентская. Австріи, по составу ея населенія, уже давно слѣдовало-бы обратиться въ настоящую славянскую державу. Теперь и династія Габсбурговъ, прежде сама главный двигатель окатоличенія и онѣмченія, не станетъ и не можетъ этому оказывать сопротивленія. И, однако ничтожная горсть Нѣмцевъ, сильная только стоящею за ея спиною Германіею, рѣшительно парализуетъ славянское большинство, кричитъ совсѣмъ недвусмысленно о „*Germania irredenta*“ и поетъ нѣмецкіе гимны, враждебные и династіи, и „австрийскому отечеству“. Борьба до такой степени обостряется, сила нѣмецкаго вліянія такъ велика, что еще большой вопросъ, какъ удастся Славянству направить эту борьбу въ XX вѣкѣ.

Совсѣмъ другое въ Россіи. Здѣсь идетъ борьба чисто культурная. Съ одной стороны государство, хоть и очень слабо, стремится задержать непрерывно льющійся нѣмецкій потокъ въ лицѣ всякаго рода выходцевъ, безъ всякой церемоніи занимающихъ и земли, и служебныя мѣста, и промышленныя дѣла, задержать путемъ обязательной русской школы, запрета покупать земли и вообще недвижимости въ извѣстныхъ районахъ; съ другой стороны экономическая политика Россіи сама широчайшимъ образомъ открываетъ страну для нѣмецкой эксплуатаціи. Торговый договоръ 1894 года, постоянное привлеченіе иностранныхъ капиталовъ обуславливаютъ значительное преобладаніе прежде всего нѣмецкихъ дѣлъ и людей надъ русскими. При равныхъ прочихъ условіяхъ, Нѣмецъ повсюду вытѣкаетъ и высаживаетъ Россіянъ въ силу

*) Подтвержденія Вѣнскимъ конгрессомъ.

не только своей большей подготовленности и выдержки, но и въ силу тѣхъ точекъ опоры, которыя онъ всегда и неизмѣнно имѣетъ въ своемъ правительствѣ и его экономической политикѣ. Нѣмцу не страшны русскіе стѣснительные законы, ибо за его спиной стоитъ нѣмецкій консулъ, съ которымъ ни одно мѣстное русское начальство „не захочетъ связываться“. У Нѣмца прекрасно организованный кредитъ, которымъ его снабжаетъ Германія, вокругъ него его тѣсно сплоченные и необыкновенно дружно держащіеся соотечественники. Нѣмецкія колоніи имѣются повсюду въ нашихъ крупныхъ городахъ, особенно на Югѣ. Онѣ не шумятъ, не демонстрируютъ и держатъ себя необыкновенно лояльно и смирно. Но уже это страшная сила, дѣлающая, на примѣръ, совершенно невозможнымъ обрусѣніе, т.-е. національную потерю своихъ молодыхъ поколѣній. Возьмите Москву, Варшаву, Кіевъ, Одессу, Харьковъ. Знаете сколько подписчиковъ у „Moskauer“ и „Odessaer Deutsche Zeitung“? Прислушайтесь, на какомъ языкѣ говорятъ въ вагонахъ I и II класса Брестской и Сибирской дорогъ...

Двадцатому вѣку непремѣнно будетъ суждено увидать столкновение русскаго и нѣмецкаго элемента въ Россіи, ибо слишкомъ уже рѣшительнѣе и побѣдоноснѣе ходъ послѣдняго. Слишкомъ торопится Германія. Слишкомъ культурно-слабо обороняется Россія. Собственно народнаго, или общественнаго сопротивленія Нѣмцу почти вовсе нѣтъ. Инициатива въ этой борьбѣ предоставлена сполна начальству; мы только свидѣтели, какъ въ каждую русскую фабрику садятся директора отъ Кнопа и Вогау, какъ растутъ въ городахъ цѣлые нѣмецкіе кварталы, устраиваются Sang и Тип-ферейны, благоустраиваются нѣмецкіе помѣщики, какъ въ такихъ коренныхъ русскихъ городахъ, какъ Москва, Кіевъ, Харьковъ, усиливается нѣмецкая рѣчь. Культурная борьба сейчасъ, пожалуй, для насъ даже и немислима, ибо въ этой борьбѣ первое условіе *союзность*, а этого основнаго элемента никто такъ основательно не лишентъ, какъ мы, которые союзню можемъ только водку пить или ѣсть пироги на именинахъ. Но когда эта союзность объявится, борьба не можетъ не начаться, и борьба тѣмъ болѣе острая, что Нѣмецъ, какъ согражданинъ, отличается вездѣ удивительной неуживчивостью. Онъ — избранная раса, окружающіе его — низшая раса. Это они всасываютъ съ молокомъ матери.

Вотъ, что мнѣ представляется на первомъ планѣ въ политической программѣ XX вѣка, поскольку человѣку вольно ее разгадывать. Предстоитъ упорная борьба между Славянствомъ и Германствомъ и, несмотря на всѣ мои лучшія чувства къ нашему славянскому дѣлу, я не рѣшусь предсказывать ея исхода въ нашу пользу, какіе союзы съ Франціей мы ни устраивай. Дѣло не въ одной военной силѣ. Германія очень остро отгачиваетъ свой мечъ, но она не извлечетъ его мало-мальски легкомысленно. Вонъ, смотрите, несмотря на рѣзкую оппо-

зицію, выказанную ею на гаагской конференціи, несмотря на историческое заявленіе Вильгельма II, что лучшая гарантія мира это — *gut garantierter Faust*, однако нѣмецкій дипломатъ поѣхалъ и подписалъ всѣ постановленія конференціи. Въ критическую для Англіи минуту Германія не бросилась на нее, а пошла съ поклономъ, съ утѣшеніемъ и соболѣзнованіемъ, и добромъ, а не насиліемъ отхватила огромные куски. Одна багдадская концессія чего стоитъ! Позвольте, вѣдь это не только хорошо бропированный кулакъ, это рядомъ съ нимъ и хорошо функционирующая голова. Сочетаніе очень непріятное для всѣхъ сосѣдей, какъ съ плохо забронированными кулаками, такъ и съ разсѣянными или слабыми головами.

А съ чѣмъ мы идемъ въ XX вѣкъ? Но объ этомъ вопросѣ позвольте поговорить когда-нибудь особо, а теперь хочется отвѣтить маленькой справкой на возраженіе, которое я предвижу и которое слышится всегда, когда рѣчь идетъ объ успѣхахъ и будущности Германіи. „Позвольте, говорятъ, — раньше, чѣмъ она чего-нибудь достигнетъ, ее взорветъ внутренній ея врагъ, коему имя социализмъ“.

Я знаю, что социальное движеніе въ Германіи и сильно, и очень развито. Еще Викторъ Гюго пророчествовалъ: *nous (Французы) sommes les flambeaux vous serez l'incendie*“, но пожара въ Германіи что-то не видать, даже и серьезные безпорядки, случаются рѣдко, въ то время, какъ во Франціи, вотъ хоть-бы сейчасъ, идутъ огромнѣшія стачки. Недавно, проглядывая нѣмецкія изданія, я натолкнулся на табличку, которой мнѣ давно не хватало. Въ 51 выпускѣ „Deutsche Agrazeitung“ отъ 17 декабря 1899 года въ статьѣ о социальномъ составѣ нѣмецкаго земледѣлія я нашелъ любопытныя цифры. По статистикѣ 1895 года оказывается:

	Необезпеченный классъ.		Средне-состоятельный классъ.		Богатый классъ.	
	Липцъ.	Въ %	Липцъ.	Въ %	Липцъ.	Въ %
Въ земледѣліи	1.712.872	15,87	8.959.869	83,02	119.344	1,11
Въ промышленности.	3.197.313	51,00	2.906.136	46,36	165.772	2,64
Въ торговлѣ и перевозочныхъ предпріятіяхъ.	1.245.177	48,24	1.312.423	50,84	24.104	0,93
Всего.	6.153.332	31,34	13.178.428	67,09	309.220	1,57

Здѣсь перечислены всѣ *работоспособные*. Ну такъ не угодно-ли сравнить общее количество членовъ средне-состоятельнаго, или достаточно обезпеченнаго класса съ контингентомъ необезпеченныхъ, откуда только и могутъ исходить социальныя волненія. На одного бѣдняка въ общей сложности приходится два состоятельныхъ человѣка! И если на фабрикахъ число обезпеченныхъ почти равняется числу необезпеченныхъ, то въ земледѣліи цифры таія: 83 на 16.

Съ подобнымъ составомъ средняго класса, ни къ какимъ утопіямъ не склоннаго и всякихъ переворотовъ какъ огня боящагося, Германія можетъ

быть долго спокойна за свой внутренний строй, лишь-бы ей правительство попрежнему покровительствовало земледѣлію высокими хлѣбными пошлинами, давало промышленности рынки, а нарождающимся лишнимъ ртамъ выходъ. Но въ недостатокъ энергіи и пониманія своихъ задачъ Германію еще не упрекали никто....

III.

Крестьяннич-иниціаторъ сельскаго коллективизма. — Приговоръ селенія Малыя Свѣтицы. — Земскій начальникъ и его veto.

Недавно мнѣ попалась перепечатка изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слѣдующей исторіи: крестьянинъ деревни Малыя Свѣтицы, Люботинской волости, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи, Я. М. Михайловъ выступилъ въ роли своеобразнаго реформатора. Самъ домохозяинъ и молодой еще человѣкъ (ему было 23 года), онъ пытался наладить свое деревенское хозяйство, но безъ успѣха, и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію въ необходимости походить по Россіи и поискать надлежащихъ образцовъ.

Три года путешествовалъ онъ по лицу нашего обширнаго отечества и никакихъ достойныхъ подражанія образцовъ, понятно, не нашелъ, ибо наша деревня — и бѣдная и зажиточная — въ своемъ настоящемъ видѣ ничего достойнаго подражанія не представляетъ. А нашелъ онъ образцовую организацію труда и удивительные результаты борьбы съ природой на островѣ Валаамѣ, у монаховъ.

Такъ эти порядки понравились крестьянину Михайлову, что онъ провелъ въ обители цѣлыхъ три года и вернулся на родину съ совершенно законченною программой поднятія народнаго быта и труда, — съ такою программой, которая ни одной петербургской комиссіи навѣрно и во снѣ не при-снится.

А такъ какъ программа эта была взята не изъ книжки и не изъ праздныхъ фантазій, а навѣяна трехлѣтнимъ пребываніемъ въ такомъ солидномъ, съ народной точки зрѣнія, мѣстѣ, какъ Валаамъ, то немудрено, что она встрѣтила у односельцевъ всеобщее сочувствіе и довѣріе.

И вотъ, въ результатъ мірской приговоръ насчетъ „перемѣны жизни“. Приговоръ этотъ настолько характеренъ, что его положенія стоитъ воспроизвести.

1. Перенести деревню на новое мѣсто для устройства поселка въ безопасномъ отъ пожаровъ видѣ.

2. Строить этотъ поселокъ съобща. Соединить всю рабочую силу 200 чел. и 70 лошадей въ артель и раздѣлить ее на 15 группъ, каждая изъ которыхъ можетъ быстро перевезти и поставить домъ. Такимъ порядкомъ перевезти весь поселокъ.

3. Общими-же силами разработать новыя поля. Эта работа, почти непосильная для отдѣльныхъ хозяевъ, можетъ быть сдѣлана подъ руководствомъ

агронома отъ земства и безъ денежныхъ затратъ, при чемъ можно будетъ установить и травосѣяніе при многопольномъ сѣвооборотѣ.

4. Установить общую столовую. „Въ деревнѣ, говорится въ приговорѣ, находится людей обоаго пола и разнаго возраста 308 человѣкъ. Они живутъ обособленнымъ хозяйствомъ, всѣ работаютъ и не могутъ столько наработать, чтобы довольно было хлѣба, оттого, что чѣмъ семейство меньше, тѣмъ содержаніе дороже. Когда-же будутъ соединены въ одну столовую 300 человѣкъ, то содержаніе будетъ обходиться не дороже 10 коп. въ день на человѣка, что составитъ 30 руб. въ день на всѣхъ. За эти 30 руб. будутъ работать свою деревенскую работу 200 человѣкъ и 70 лошадей“.

Этотъ приговоръ былъ представленъ земскому начальнику, который, разумѣется, затруднился его утвердить. Господа Малосвѣтинцы изложили въ этомъ документѣ цѣлую своеобразную конституцію, и мѣстная власть нашла, что санкція этой конституціи выходитъ изъ предѣловъ компетенціи земскаго начальника. Инициаторамъ предложили написать „уставъ“ новаго общества и передать его на утвержденіе обычнымъ порядкомъ. На этомъ пока и закончилось дѣло.

Меня не такъ интересуетъ дальнѣйшая судьба этого дѣла, какъ его идейная сторона. О практической сторонѣ можно только замѣтить, что лица, писавшія и подписывавшія приговоры, впади въ ошибку. Имъ вовсе не было нужно вносить въ дѣло такую торжественность, а просто сдѣлать приговоръ о перенесеніи деревни на новое мѣсто. Этотъ приговоръ земскому начальнику ничуть не показался-бы страннымъ, и не утверждать его не было-бы повода. Вторымъ приговоромъ можно-бы было раздѣлиться на артели и группы по перевозкѣ домовъ и по разработкѣ новыхъ земель подъ пашни, а что касается общей столовой, то здѣсь, очевидно, никакого приговора не нужно. Если есть общее согласіе обѣдать артельно и варить кушанье въ одной печи, то никакому земскому начальнику не придетъ въ голову этому мѣшать. Если-же, наоборотъ, общаго согласія нѣтъ, то совсѣмъ уже странно принуждать кого-бы то ни было, *хотя и мирскимъ приговоромъ*, не топить у себя печь и не готовить отдѣльно. Это уже что-то совсѣмъ не по-русски и не по-деревенски. Можно только удивляться, какъ подобный приговоръ могъ состояться. Очевидно, у Михайлова — огромное нравственное вліяніе. Очень ужъ, должно-быть, заманчиво изобразилъ онъ порядки монастырской трапезной, если деревенскія бабы, эгоистки, какихъ мало и готовые животъ свой положить за осколокъ лучины или луковицу, согласились варить въ одномъ котлѣ.

Но это все между прочимъ. Важна идея, важенъ моментъ въ народномъ самосознаніи. Вотъ надъ чѣмъ надо остановиться.

Что это: плюсъ или минусъ? Прогрессъ или попятное движеніе? Виновать: попятнымъ движеніемъ

этого никакъ назвать нельзя. Я хотѣлъ сказать: прогрессъ или *ошибка*? Разумѣется, кто можетъ возразить что-нибудь противъ принципа артельности, коопераціи? Но на здоровой-ли почвѣ пытаются здѣсь примѣнить этотъ принципъ, есть-ли для него надлежащая основа?

Мнѣ слишкомъ много и долго пришлось быть въ очень тѣсномъ общеніи съ народомъ, чтобы этотъ вопросъ могъ мнѣ казаться празднымъ. Наоборотъ, вопросъ о лучшей организаціи крестьянскаго труда, о болѣе нормальныхъ условіяхъ быта—главный сельскій нашъ вопросъ. Очень ужъ быстро идетъ разложеніе общины, очень падаетъ старый строй деревни. Что-нибудь другое начинать нужно, съ какой-нибудь стороны должна явиться инициатива улучшеній. Такъ вотъ, этотъ Михайловъ на вѣрную-ли попалъ дорогу, въ этомъ ли смыслѣ пойдетъ возрожденіе деревни?

Нашихъ интеллигентныхъ на этотъ счетъ мечтаній было до сихъ поръ немало. И странное дѣло: чѣмъ больше падаетъ сельская община, чѣмъ упорнѣе ведется противъ нея агитація и притомъ съ самыхъ противоположныхъ сторонъ, и со стороны выдыхающихъ о крѣпостномъ правѣ ландлордовъ, и со стороны господъ обновителей нашей культуры—марксистовъ,—тѣмъ чаще раздаются голоса за реформированіе общины въ смыслѣ своеобразнаго обобществленія труда и быта.

Елецкій земскій начальникъ Я. Ростовцевъ (ахъ, не въ его участкѣ Люботынская волость,—то-то порадовался-бы онъ Михайлову!) въ прекрасной статьѣ доказывалъ недавно, что крестьяне должны перейти къ совмѣстной обработкѣ полей и горячо описывалъ выгоды такого распорядка.

Совершенно неизвѣстный ранѣе въ литературѣ г. Череповъ печатаетъ брошюру „Гдѣ выходъ?“ и этотъ выходъ видитъ въ совмѣстной обработкѣ крестьянскихъ полей, обобществленіи орудій производства, сѣмянъ и земли и раздѣлѣ продуктовъ урожая. Нѣсколько туманная организація „земельной общины новаго типа“ не мѣшаетъ полной ясности основной мысли автора.

Г. Левицкій, устроитель артелей на Югѣ, кладетъ въ основу новой своей организаціи крестьянскаго труда общую обработку полей.

Графъ Л. Н. Толстой вырабатываетъ форму общественныхъ столовыхъ въ голодное время, и его система многими рекомендуется, какъ очень разумная и выгодная въ техническомъ отношеніи и въ обыкновенныхъ условіяхъ.

Но пока все это шло сверху, изъ области интеллигентной, и мы всѣ полагали, что внизу, въ народной жизни, эти идеи, несмотря на всю ихъ заманчивость и техническую правоту, сочувствія не встрѣтятъ. Слишкомъ сильно въ народѣ индивидуально-семейное чувство, слишкомъ прочно сидитъ пословица: „хоть щей горшокъ, да самъ большій“. Да и семейные раздѣлы, начавшіеся съ уничтоженія крѣпостного права и особенно обострившіеся за послѣднее время, показывали ясно,

что не къ общей печи идетъ народное движеніе, а самую эту общую печь норовить по кирпичу разнести, чтобы не „работать на людей“, „не покоряться“, жить „хоть въ тѣснотѣ, да на волѣ“.

IV.

Плюсъ или минусъ?—Дисциплина монастырская и военная.—Идеалы „равненія“.—Раздѣлы.—Психологическая ошибка.

И вотъ, вдругъ является крестьянинъ Михайловъ и, подхватывая чисто интеллигентную мысль, даетъ ей блестящую побѣду въ трезвой и практичной средѣ своихъ однопоселенцевъ. Двѣсти душъ взрослыхъ крестьянъ рѣшаютъ со-обща перестроить деревню, начать совмѣстную обработку полей, даже устроить общую столовую.

Положимъ, что прельстила здѣсь не интеллигентная мысль обобществленія, а монастырская дисциплина и дивная организація труда, управляемаго отцами экономами и производимаго, какъ „послушаніе“. Но результатъ вышелъ, повидимому, одинъ и тотъ-же. Не фаланстеръ социалистовъ, такъ монастырское „общеежитіе“. Не удалась интеллигентныя колоніи, основанныя на согласованіи „разумныхъ эгоизмовъ“, такъ, можетъ-быть, удастся „мірское послушаніе“ во имя высшаго христіанскаго принципа?

Я сомнѣваюсь. Откровенно говоря, я не могу еще разобраться въ этомъ удивительномъ и, во всякомъ случаѣ, незаурядномъ и *свѣтлымъ* явленіи, а чувство, неопредѣленное пока и смутное, кладетъ шаръ налѣво, въ сторону недовѣрія, почти отрицанія. Я боюсь, что во всемъ этомъ образѣ есть что-то, не скажу фальшивое, или двусмысленное, но какъ-бы недозрѣлое.

Чѣмъ достигается идеальная дисциплина монастыря? Добровольнымъ, разъ на всегда, отреченіемъ отъ своего имущества, вообще отъ всего эгоистическаго. Капитальной замѣной этой воли не только простымъ механическимъ „послушаніемъ“, но *радостью* послушанія. Какъ тутъ не быть желѣзной дисциплинѣ и огромнымъ побѣдамъ надъ природой? У получившаго извѣстную работу на основаніи послушанія даже сомнѣнія не можетъ возникнуть, хорошо-ли распорядился приставленный къ дѣлу старшій. Съ другой стороны этотъ старшій, самъ по себѣ, не можетъ быть плохъ, ибо не честолюбіе и властолюбіе выдвинуло его на постъ распорядителя, а то-же „послушаніе“; подъ давленіемъ этого-же послушанія, но на этотъ разъ общему голосу всей обители, выдвинулась и центральная власть игумена.

Я, конечно, говорю о теоретическомъ, идеальномъ монастырѣ, ибо такъ только и можно уяснить психическую сторону, принципы этой дисциплины и условія успѣха. Мы видимъ, что эти успѣхи покупаются *самоотреченіемъ*.

Немного иное, но въ томъ-же родѣ наблюдается въ арміи. И тамъ дисциплина, и тамъ самоотре-

ченіе, хотя не добровольное, а принудительное. Человѣкомъ распоряжаются, какъ машиной, какъ рабочей силой. Его индивидуальность страшно ограничена. Солдаты никогда не свободны, даже во время отдыха. Онъ весь окруженъ дисциплиной, пропитанъ ею. Отсюда, при умѣлой организаціи труда, любая военная часть можетъ сдѣлать огромную и дружную работу—по командѣ, а согрѣтая ласковымъ словомъ, идеей *хорошей, плодотворной, веселой* работы, можетъ сдѣлать ее, даже любя, не хуже монаховъ. Посмотрите ротные огороды.

Казарма въ одномъ похожа на монастырь. Нѣтъ женщинъ, нѣтъ дѣтей, нѣтъ семьи. Какъ только явилась семья, картина совершенно мѣняется. Церемѣщается самый центръ существованія человѣка. Единицею дисциплины становится семья, и эта единица получаетъ повелительный самодовлѣющій характеръ. Равенство силъ упраздняется. Женщина бездѣтная, женщина беременная, женщина-мать троихъ четвертыхъ дѣтей—величины несоизмѣримыя. Сколько семей—столько отдѣльныхъ масштабовъ. Русскій мужикъ-общинникъ помѣшанъ на *равненіи* всего: земли, денегъ, посѣвнаго хлѣба, водки, пособій, рабочей силы, отвѣтственности. А какое-же возможно равеніе здѣсь, если все смѣшано въ общую массу? Да въ ней-же будетъ невозможно разобраться!

Мнѣ приходилось наблюдать много раздѣловъ, да какихъ раздѣловъ! Дѣлятся сынъ съ отцомъ, дѣлятся почти минимальная семья, и обѣ раздѣлившіяся половины осуждаютъ сами себя на завѣдомую нищету. Изъ-за чего люди дѣлятся? Да только изъ-за того, что не умѣли найти достаточнаго *внутренняго равенія*. Пара молодыхъ не можетъ соразмѣрить силъ съ парой стариковъ, и вотъ, общая печь оказывается тѣсною. Молодые остаются безъ лошади, но съ коровою; нѣтъ избы,—уходятъ жить до зимы въ амбаръ. И между людьми нѣтъ никакой ненависти, а есть только ревность къ равенію и зависть, какъ-бы другой не заглохалъ его кусокъ.

При раздѣлѣ, обставленномъ теперь почти запретительными мѣрами, обыкновенно судятъ дѣлящихся деревенскіе старики и долго уговариваютъ, качая головами: „Эй пропадете!“ Но и уговаривающіе, и уговариваемые отлично понимаютъ, что подѣлать ничего нельзя. Зависть, эгоизмъ одолѣли семейную дисциплину.

И такъ идетъ повсюду, на всемъ пространствѣ нашего отечества по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ патріархальныя нравы и патріархальная дисциплина старой семьи, гдѣ дѣти не смѣли и подумать о самостоятельности, гдѣ переносились всякія притѣсненія большаковъ безропотно, до снохачества включительно, и гдѣ большой артельный составъ семьи берегло крѣпостное право.

Разлагается неудержимо и южно-славянская за-друга, типъ семьи-рода, уцѣлѣвшая, какъ рѣдкій пережитокъ, кое-гдѣ на Балканахъ и сейчасъ, но уже, очевидно, обреченная на гибель. Эта за-друга

держалась огромною зажиточностью населенія и величайшею чистотою его нравовъ.

Коллективистская попытка Михайлова—явленіе, очевидно, не этой категоріи. Удивительный по своей энергіи инициаторъ задумалъ примѣнить монашескіе принципы единенія къ семейной средѣ. Не старшій въ родѣ и не по своеобразному, „божественному“ праву старшаго будетъ командовать въ новой кооперации. Михайловъ, вѣроятно, ждетъ успѣха отъ какого-нибудь выборнаго совѣта или чего-нибудь въ чисто республиканскомъ типѣ. Я думаю, что какова-бы ни была очевидная, практическая польза этой комбинаціи, каково-бы ни было воодушевленіе господъ Малосвѣтинцевъ и довѣріе ихъ къ идеалисту Михайлову, этого воодушевленія не хватитъ даже на то, чтобы перенести деревню. Очень уже все это противорѣчитъ тому, что мы ежедневно видимъ, слышимъ, осязаемъ.

Изъ этого пусть читатель не заключаетъ о моемъ сочувствіи или несочувствіи идеѣ Михайлова. (Очень былъ-бы я радъ увѣровать въ нее и въ фактъ, сообщенномъ „Спб. Вѣдомостями“, усмотрѣть нѣкоторую „зарю лучшаго будущаго“ и т. п. Но увы! Этой вѣры во мнѣ нѣтъ, и взять ее не откуда. Я на такія вещи неисправимый скептикъ, и хотя это дѣло чисто крестьянское, самобытно возникшее, могу и долженъ надъ нимъ внимательно остановиться, но въ иллюзіи впадать не стану. Не пожертвуетъ мужикъ эгоизмомъ семьи, не перестанетъ варить свои щи, хотя-бы тамъ въ общественной столовой кормили вдвое жирнѣе и дешевле.

V.

Чѣмъ намъ отвѣтить инициаторамъ Михайловымъ?—Помощь народу сверху.—Воображаемая рѣчь земскаго начальника.—Кредитное товарищество, или общественная столовая?

Для меня эта идея-попытка имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Народъ подъ вліяніемъ школы понемножку пробуждается и начинаетъ сознательнѣе относиться къ своему положенію. Изъ его среды выдвигаются вотъ такіе инициаторы мечтатели, какъ Михайловъ. Это ничего, что, оцупью и еще въ потьмахъ, они не сразу попадаютъ на вѣрную дорогу и впадаютъ въ иллюзіи. Да и самая иллюзія необыкновенна цѣнна и знаменательна. Въ нее увѣровала и къ ней „руку приложила“ вся деревня. Это значитъ, что въ народѣ уже есть инициаторы, радѣющіе объ общемъ благѣ, и у нихъ есть и сила и довѣріе. Вотъ, что дорого. Завтра тотъ-же или другой Михайловъ натолкнется на идею болѣе жизнеспособную, болѣе осуществимую, и масса за ними еще охотнѣе пойдетъ. Вотъ, гдѣ большой плюсъ! Надъ Михайловыми уже смѣяться не будутъ, какъ раньше дѣлали—вотъ, гдѣ побѣда!

Но торжествовать эту побѣду рано. Къ несчастію, какія-бы хорошія мысли насчетъ выхода изъ нынѣшней тьмы и нищеты народу ни приходили

въ голову, какіе-бы инициаторы въ его средѣ ни зарождались, успѣхъ зависитъ не отъ нихъ, а отъ обстоятельствъ чисто вѣшнихъ, отъ готовности наверху, въ сверхнародныхъ слояхъ *прийти на помощь*. А народъ за этой помощью уже тянется. Въ томъ-же приговорѣ, составленномъ по инициативѣ Михайлова, есть указаніе, что нѣкоторыя работы крестьяне желаютъ пронавести подъ руководствомъ земскихъ техниковъ: распланировку селенія, разметъ полей. Это уже не прежнее отношеніе ко всякому знанію, ко всякой наукѣ, подаваемой сверху. Эхъ, кабы эта наука и эти знанія съумѣли и захотѣли выйти въ отвѣтъ народной нуждѣ!..

Вотъ тутъ, дѣйствительно, великій пробѣлъ, великіе недочеты. Нѣтъ ни одной страны, кажется, гдѣ-бы такъ мало дѣлалось для народнаго благосостоянія и просвѣщенія, какъ у насъ. Благопожеланія всѣ полны, но дѣла, серьезнаго дѣла что-то мало видно. Простой вещи, народнаго кредита не умѣемъ создать.

Въ приговорѣ Малосвѣтинцевъ есть характерное выраженіе, что они всю предположенную работу сдѣлаютъ, не затрачивая средствъ. Очевидно, инициаторъ полагалъ замѣнить недостающія средства кооперативною работою. Что-же, теоретически онъ правъ. Ну, а еслибы при такомъ-то подъемѣ духа и довѣрія явились-бы еще средства? Еслибы тотъ же самый земскій начальникъ вмѣсто стереотипнаго совѣта ходатайствовать въ высшихъ инстанціяхъ, сказалъ-бы примѣрно слѣдующее:

„То, что вы, братцы, затѣяли переносить ващу деревню—дѣло хорошее. Если удастся вамъ съобща выбрать камни съ полей и раскорчевать новыя поля—и это хорошо. А вотъ, чѣмъ ради экономіи затѣвать общую столовую (вѣдь рано или поздно бабы непременно перегрызутся!), вы лучше пишите приговоръ объ открытіи у васъ кредитнаго товарищества, а я вамъ изъ Государственнаго Банка тысячи три рублей исхлопочу; на этомъ вы скорѣе поправитесь“.

Повѣрьте, читатель, съ такимъ вотъ Михайловымъ во главѣ, кредитное товарищество, при капиталѣ въ 3 т. руб., даже при своемъ нынѣшнемъ достаточно безобразномъ (хотя и образцовомъ) уставѣ, могло-бы пойти прекрасно, и черезъ какихъ-нибудь годъ-два безъ всякой общей столовой у каждаго въ печи были-бы отличныя щи... Хорошо-бы, во избѣжаніе соблазна, убрать куда-нибудь подальше и винную лавку изъ этого счастливаго уголка. А то на борьбу съ нею не хватитъ никакого Михайлова...

VI.

Наше высшее специальное образованіе.—Юноша-неудачникъ и культи 20-го числа.—Отчего у насъ нѣтъ ни специалистовъ, ни ученыхъ?

Недавно мнѣ пришлось присутствовать и почти что участвовать въ семейномъ оплакиваніи судьбы одного прекраснаго молодого человека, которому, несмотря на всѣ хлопоты, не уда-

лось попасть ни въ одно высшее специальное заведеніе за недостаткомъ вакансій.

Меня не поразило,—поражаться этимъ совсѣмъ ужъ не приходится,—а остановило одно обстоятельство: юноша рвался отнюдь не къ наукѣ, а именно къ диплому. Ему было рѣшительно все равно, подѣ какимъ соусомъ подать себя господамъ соотечественникамъ по выходѣ въ жизнь. Онъ шелъ въ лѣсники, въ агрономы, въ путейцы, въ гражданскіе инженеры, въ технологи и филологи, не отказался-бы даже отъ духовной академіи и ветеринарнаго института, лишь-бы получить права высшего образованія. Гимназія подготовила его ко всему и не заронила никакой искры, никакого стремленія, кромѣ одного стремленія къ 20-му числу. Отсюда полнѣйшее равнодушіе къ наукѣ, которая для него являлась только лѣстницей въ міръ чиновный, въ міръ власти и правъ. Нужно началству, онъ будетъ ордена чертить и усовершенствованныя печи проектировать. Потребуется три-четыре года просидѣть надъ патристикой или литургикой, онъ готовъ и на это. Еслибы понадобилось заняться какимъ-нибудь „водствомъ“, изъ тѣхъ безчисленныхъ „водствъ“, какія стоятъ въ агрономической программѣ, онъ и въ этомъ „водствѣ“ постарается усовершенствоваться.

И вдругъ—скандалъ! Желающихъ подниматься въ „сферы“ по всѣмъ этимъ „водствамъ“, литургикамъ, желѣзнодорожнымъ трассировкамъ и архитектурнымъ орденамъ такъ много, что бѣдный Икса Игрековичъ остался за флагомъ. Нужно ждать цѣлый годъ, когда будетъ объявлена новая скачка, а средствъ мало, а къ скачкѣ поспѣваетъ и другой братъ, а вся надежда именно на его, Икса, двадцатое число!..

Высшія учебныя заведенія растутъ у насъ, какъ грибы. Открываются инженерныя училища, политехникумы, академіи, все миллионныя учрежденія съ огромными штатами, съ огромнымъ числомъ мѣстъ. Но наплывъ желающихъ все растеть, и спросъ на высшее образованіе неуклонно превышаетъ его предложеніе.

Но какъ ни разнообразны специальности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ ни много народу кончаетъ въ нихъ курсъ, прибавляется только число чиновниковъ и кандидатовъ въ чиновники, но отнюдь не специалистовъ. Агрономовъ нѣтъ, вольныхъ техниковъ безъ 20-го числа тоже нѣтъ, кромѣ такихъ генераловъ, которые получаютъ больше, чѣмъ можетъ платить казна, а потому сали бросили службу; про остальныхъ специальности и говорить нечего. Нуженъ скромный техникъ или агрономъ, ищите среди учениковъ среднихъ, а отнюдь не высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній, или приглашайте Нѣмца, Бельгійца.

И вотъ, что странно. При этомъ множествѣ высшихъ учебныхъ заведеній и кончающихъ въ нихъ курсъ, русская наука является совершенно заброшенной. Весь русскій талантъ уходитъ въ карьеру, для науки остаются самые лядящіе. Эти идутъ въ

профессора, ибо обматывать тягучую псевдо-научную диалектику вокруг пальца или компилировать европейскія книжки (изъ наиболѣе прославленныхъ и ходкихъ) вещь еще болѣе легкая, чѣмъ даже культъ 20-го числа, гдѣ все же нужна хоть грошовая инициатива, и есть хоть тѣнь ответственности. Ну, мостъ провалится, или зданіе сядетъ... пойдутъ неприятности. Съ профессоромъ ничего подобнаго не случится. Провалится не онъ, а развѣ студентъ на экзаменѣ. Ну, значить, плохо учился...

Но возвращаясь къ моему юношѣ. Очень ужъ его обидѣла судьба и петербургскій періодъ русской исторіи. Нѣтъ-ли возможности ему чѣмъ-нибудь помочь?

VII.

Идея вольной земледѣльческой академіи въ деревнѣ. — Взаимное обученіе. — Наука зимняя и лѣтняя. — Экзамены.

Не знаю, какъ въ другихъ специальностяхъ, но въ агрономіи дѣлу помочь, пожалуй-бы и можно, не настаивая на ассигнованіи одновременно милліона-двухъ, да ежегодно нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на устройство новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Что, если бы сдѣлать такъ: пріискать небольшое имѣніе въ средней полосѣ, десятинъ, скажемъ, въ триста? Должно быть, конечно, хозяйство въ полномъ ходу и вблизи деревни. Собирается компанія молодежи, вотъ изъ такихъ, за флагомъ оставшихся, но имѣющихъ право на поступленіе въ высшее заведеніе, человекъ 20. Арендуютъ они все имѣніе полностью и устраиваются такъ: барскій домъ отводятъ подъ квартиру профессору, подъ столовую, лабораторію, библіотеку. Приглашаютъ для руководства занятіями профессора на постоянное жительство и ему поручаютъ надъ собой начальство. Приглашаютъ трехъ-четырехъ профессоровъ, такъ сказать, на гастроли, пріѣхать на недѣлку, разъяснить кое-что непонятное, провѣрить занятія, указать книгу, порекомендовать. Собираютъ серьезную библіотеку изъ научныхъ и справочныхъ книгъ и распредѣляютъ занятія такимъ образомъ, чтобы зима была посвящена наукѣ книжной, а лѣто — полевой.

Ученье идетъ вполне самостоятельное. Приходится обходиться безъ лекцій, изучая предметъ по источникамъ, т.-е. по книгамъ. Но такъ какъ лекція чрезвычайно облегчаетъ трудъ, давая обработанный матеріалъ, то и здѣсь можно отлично устроиться. Каждый изъ учащихся, выбравъ себѣ наиболѣе любимый предметъ и изучая его подробно, чѣмъ другіе, можетъ прекрасно читать по немъ лекціи остальнымъ товарищамъ, постепенно проходя весь курсъ. Эти лекціи при живой душевной работѣ будутъ почти не хуже профессорскихъ и во всякомъ случаѣ, съ успѣхомъ могутъ ихъ замѣнить, тѣмъ болѣе, что наша ученая литература по сельскому хозяйству достаточно богата. Это будетъ истинное взаимное обученіе при отличномъ

раздѣленіи труда. Лабораторныя работы могутъ идти тѣмъ-же порядкомъ. Химія, особенно аналитическая, очень богата пособиями, и безъ профессора можно обойтись отлично.

Это зима. Лѣтомъ, понятно, хозяйство и притомъ не игрушечное, а настоящее, съ настоящимъ и упорнымъ трудомъ. 18—22 лѣтніе молодые люди могутъ исполнять безусловно всѣ полевые работы по хозяйству, кромѣ развѣ пастушеской. Здѣсь поидетъ одновременно и провѣрка усвоенной за зиму теоріи и техническое обученіе всѣмъ *пріемамъ* хозяйства.

А затѣмъ соотвѣтствующее высшее учебное заведеніе допустить учениковъ этой вольной академіи къ экзаменамъ наравнѣ со своими собственными учениками. Если эта академія станетъ заранѣе въ связь съ официальнымъ учебнымъ заведеніемъ, то названные выше профессора-гастролеры могутъ быть командированы для наблюденія за занятіями періодически, и никакихъ недоразумѣній не будетъ.

VIII.

Въ чемъ можетъ выразиться помощь казны? — Могутъ ли учащіеся прокормиться на 300 десятинахъ? — Побочныя задачи вольной академіи и ея роль въ своей мѣстности.

Мнѣ кажется, что это не только вполне осуществимо, но и обойдется баснословно дешево. Я боюсь даже и пытаться подсчитать, сколько стоитъ казнѣ, т.-е. народу и своимъ родителямъ или роднымъ нынѣшній агрономъ. Казнѣ, вѣроятно, тысячи, себѣ или роднымъ во всякомъ случаѣ 500—600 руб. въ годъ. Здѣсь-же казнѣ онъ будетъ стоить пустяки, можно даже и вовсе обойтись безъ казеннаго пособия, себѣ или роднымъ — очень мало. Подумайте только: развѣ 20 молодыхъ людей, работающихъ лѣто на хорошемъ хозяйствѣ и хорошими машинами, не могутъ выработать себѣ годовыхъ харчей? Свой хлѣбъ, свои молочные, мясные и огородные продукты, свои дрова, все свое, покупное-же низведено до минимума. Я думаю, что, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, хозяйство это можетъ дать денежный доходъ, какъ разъ достаточный для оплаты всего покупнаго, съ учебными пособиями и платѣмъ включительно, и берусь это доказать точнымъ подсчетомъ. Но и безъ этого подсчета я смѣло говорю, что на годовое содержаніе въ деревнѣ студенту самое большее придется добавить 120—150 руб., т.-е. $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$ того, что расходуетъ въ городѣ. Если даже и такъ, то и здѣсь выгода огромная. Но главное, это то, что такая вольная академія, достигая неизмѣримо лучше своихъ прямыхъ цѣлей, т.-е. подготовляя образованныхъ специалистовъ-практиковъ, не будетъ никому ничего стоить, ни для кого не явится обузою.

Для такой школы не нужно никакого разрѣшенія, ибо кто можетъ запретить взрослымъ совершенноправнымъ гражданамъ, собравшимся вмѣстѣ, из-

учать ту или другую науку, да еще под руководством патентованного профессора? Вѣдь собираются-же и существуютъ всякія интеллигентныя колоніи, иногда даже очень многочисленныя? Вѣдь жили-же у А. Н. Энгельгардта въ Батишевъ изъ года въ годъ цѣлыя десятки молодежи, которые—увы!—не для науки являлись къ знаменитому химику и хозяину, а почти ради баловства, сочинять искусственного мужика, за что и получили отъ здравомыслящаго русскаго народа характерную кличку „тонконогихъ“.

Жить студенты могутъ на квартирахъ у крестьянъ, которые охотно сдадутъ цѣлую избу за 1—2 рубля въ мѣсяцъ, какъ это было въ Единоновѣ у Верещагина. Кстати, тамъ и артельное питаніе въ столовой обходилось что-то баснословно дешево.

Любителямъ самостоятельности, тяготящимся казенными порядками нашихъ высшихъ школъ—вотъ отличный случай поучиться на свободѣ, организовать дѣльное самоуправленіе, выработать товарищескую дисциплину. Вмѣшиваться никто не будетъ.

Я сказалъ, что безъ помощи казны можно обойтись; но почему-бы и не помочь Министерству Земледѣлія? Цѣлая академія, высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе, выпускающее въ годъ пять-шесть отличныхъ агрономовъ, можетъ обойтись немного дороже нынѣшней первоклассной низшей школы.

Казна можетъ принять на себя расходы по командировкамъ профессоровъ, давать кое-какія машины и учебныя пособія и, пожалуй, производить содержаніе „директору“—профессору. Единственно-же нужна будетъ помощь при устройствѣ лабораторіи и библіотеки, да при обзаведеніи сѣменами, машинами и инвентаремъ. Тысячъ 10 единовременно, да тысячъ 5 въ годъ—вотъ и вся академія!

Но вѣдь этотъ расходъ будетъ не на пять чело-вѣкъ, которые поѣдутъ держать экзаменъ и превратятся въ официальныхъ агрономовъ. Кромѣ студентовъ полноправныхъ, могутъ быть принимаемы волнослушатели, которые будутъ пріѣзжать поработать и поучиться. И пусть себѣ учатся на свой счетъ.

Независимо отъ своего учебнаго характера, такая вольная академія будетъ очень цѣннымъ мѣстнымъ культурнымъ центромъ. Это—естественная и прекрасная опытная станція, готовая агентура Министерства Земледѣлія, отличная метеорологическая станція, справочное бюро для всѣхъ хозяевъ своего района, разсадникъ хорошихъ породъ скота, ремонтная мастерская, ветеринарная клиника, сѣмное хозяйство. Да мало-ли что можно тамъ сдѣлать съ такими чудесными силами, какъ русская молодежь!

Не отзовется-ли кто, господа, обмѣняться по этому предмету мыслями? Не будетъ-ли возраженій? Буду очень радъ при случаѣ вернуться къ этому вопросу еще разъ.

IX.

Г. Крюковъ о сельской статистикѣ.—Наши статистическія требованія и приемы.—Статистика, какъ мотивъ къ восстановленію прихода.

На дняхъ „Спб. Вѣдомости“ помѣстили статью новаго ярославскаго уполномоченнаго Министерства Земледѣлія, Н. А. Крюкова, того г. Крюкова, который далъ отличное описаніе сельскаго хозяйства въ Даніи и Канадѣ (двѣ книги, изданныя Департаментомъ Земледѣлія) и испортилъ это описаніе выподомъ о необходимости уничтоженія въ Россіи общиннаго землевладѣнія. Но попавъ на живое дѣло, г. Крюковъ спѣшилъ загладить свой грѣхъ передъ общиной горячею, умною, талантливою статьею за приходъ.

Статья эта озаглавлена: „Сельскій староста и россійская статистика“. Мастерски рисуетъ авторъ печальную картину собиранія статистическихъ свѣдѣній по бланкамъ, посылаемымъ сверху изъ центральныхъ столичныхъ управленій. Листки эти идутъ по губерніямъ, оттуда по уѣздамъ, оттуда по станамъ и волостямъ, распложая пустыя препроводительныя бумаги, пока наконецъ попадаютъ на мѣсто, къ сельскому старостѣ, который и радъ бы отправить „бумагу“ еще ниже, да уже некуда. Ниже старосты въ порядкѣ подчиненности идетъ „мать сыра земля“, въ канцелярскомъ отношеніи глухая и нѣмая, хотя и „населенная“.

И вотъ „статистику“ приходится составлять старостѣ, который и пишетъ туда что угодно, кромѣ дѣйствительныхъ цифръ. А кстати, и листки бываютъ удивительные. Такъ какъ Русь святая безмѣрно велика, а статистику запрашиваютъ къ сроку, то получаются, напримѣръ, вопросы о томъ, сколько сжато и намолочено, очень задолго до жнивья и молотѣбы.

Грѣшный чело-вѣкъ, хозяйничая нѣсколько лѣтъ назадъ въ деревнѣ, я однажды разозлился. Приносилъ мнѣ, какъ мѣстному владѣльцу, сотскій „статистику“. Вижу: справляются господа изъ Центрального Статистическаго Комитета объ урожаѣ и молотѣбѣ, а у насъ еще іюнь на дворѣ, и рожь только что выколосилась. Положилъ я листки. Проходить нѣсколько дней. Сотскій все ходитъ и пристаётъ. Приказано „безпримѣнно“ доставить черезъ недѣлю. Ну что-же? Мы пачальству всегда услужить готовы. Сажусь писать. Читаю: „Сколько нажато (такого-то хлѣба) сноповъ, крестцовъ, суслиновъ, телѣгъ или иныхъ мѣстныхъ названій? Объясните примѣрный объемъ, счетъ или вѣсъ мѣстной единицы. Сколько нажато на десятину? Объясните поверхность мѣстной десятины въ квадратныхъ саженьяхъ“.

Я съ четверть часа подсчитывалъ отвѣтъ карандашемъ, чтобы хоть примѣрно не дать совсѣмъ уже несообразныхъ цифръ. Потомъ совѣсть зазрѣла. Взялъ и написалъ, стараясь попасть въ канцелярскій тонъ: „За непроизводствомъ хлѣбной уборки, таковыхъ свѣдѣній не имѣется“. Что на